

Посвященіе.

Тебѣ я нѣкогда вѣрялъ
 Души взволнованной мечты;
 Я бѣдѣнъ былъ—ты это зналъ,
 И бѣдняка не кинулъ ты.
 Ты примирилъ меня съ судьбой
 Съ мятежной властію страстей;
 Тобой, единственно тобой,
 Я сталъ, чѣмъ былъ съ давнишнихъ дней.
 И муза, по моей мольбѣ,
 Сошла опять съ святой горы;
 Но вѣрь, принадлежать тебѣ
 Ея вѣночъ, ея дары!

Гость.

Какъ пришлецъ иноплемennyй,
 Въ облакахъ луна скользитъ;
 Козоколычигъ отдаленный
 То замолкнетъ, то звенитъ.
 «Что за гость въ ночи морозной?»
 Мужу говорить жена,
 Сиди рядомъ въ вечеръ поздній
 Возлѣ туслаго огня.

Вотъ кибитка подъѣзжаетъ...

На высокое крыльцо
 Изъ кибитки выѣзжаетъ
 Незнакомое лицо.

И слуга вошелъ съ свѣчею,
 Бѣдный вслѣдъ за нимъ монахъ:
 Нынѣ поздною порою
 Запутался онъ въ лѣсахъ.

И ему ночлежъ дается—
 Что жъ стоишь, отшельникъ, ты?
 Свѣчки лучъ печально льется
 На печальныя черты.

Чуднымъ взоръ огнемъ свѣтился,
 Онъ хозяйку вдругъ узналъ,
 Онъ дрожитъ, и вотъ забылся
 И къ ногамъ ея упалъ.

Мужъ ушелъ тогда. О! прежде
 Жилъ чернецъ лишь для нея,
 Обманулся онъ въ надеждѣ,
 Погубилъ онъ съ нею все.

Но промчалось изступленіе;
 Путникъ въ комнату своей,
 Чтобы рыданья и мученье
 Схоронить отъ глазъ людей.

Но рыданья звучали
 Вплоть до бѣлыя зари,
 Наконецъ и замолчали...
 Но утру къ нему вошли:
 На полу онъ посинѣлый,
 Какъ замученный, лежалъ,
 И безчувственное тѣло
 Плащъ печальный покрывалъ!...

1830. мая 16 число.

Боюсь не смерти я. О, нѣтъ!
 Боюсь исчезнуть совершенно;
 Хочу, чтобъ трудъ мой вдохновенный

Когда нибудь увидѣлъ свѣтъ,
 Хочу—и снова затрудненіе!
 Зачѣмъ.. что пользы будетъ мнѣ?
 Мое свершится разрушеніе
 Въ чужей, невѣдомой странѣ.
 Я не хочу бредить межъ вами
 По разрушеніи! Творецъ,
 На то ли я звучалъ струнами,
 На то ли созданъ былъ пѣвецъ?
 На то ли вдохновеніе, страсти,
 Меня къ могилѣ привели?
 И нѣтъ въ душѣ довольно власти—
 Люблю мученія земли.
 И этотъ образъ, онъ за мною
 Въ могилу силится бѣжать,
 Туда, гдѣ обѣщалъ мнѣ дать
 Ты мѣсто къ вѣчному покою.
 Но чувствую: покою нѣтъ:
 И тамъ, и тамъ его не будетъ;
 Тѣхъ длинныхъ, тѣхъ жестокихъ лѣтъ
 Страдалецъ вѣчно не забудетъ!

Къ. ***

прочитайъ жизнь Байрона, написанную Муромъ.

1830

Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнія
 Хотя слова мои печальны—нѣтъ! [тѣнь,
 Нѣтъ! все мои жестокия мученія—
 Одно предчувствіе гораздо болѣе бѣды.

Я молодъ; но кипитъ на сердцѣ звуки,
 И Байрона достигнуть я бы хотѣлъ:
 У насъ одна душа, одинъ и тѣ же муки.
 О, если бы одинаковъ былъ удѣлъ!..

Какъ онъ, ищу забвенія и свободы,
 Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ ужъ я
 душой,

Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящихся воды,
 И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.

Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
 Гонимъ повсюду мыслию одной.
 Гляжу назадъ—прошедшее ужасно,
 Гляжу впередъ—тамъ вѣтъ души родной.

Эпиграфъ.

утопленному игроку.

Кто яму для другихъ копать трудился,
 Тотъ самъ въ нее упалъ—гласить писанье
 такъ.

Ты это оправдалъ, бостонный мой чудакъ:
 Тошилъ людей—и утопился.

Дереву 1830.

Давно ли съ зеленою радушною
 Передо мной стояло ты,
 И я корѣ твоей послушной
 Вѣрялъ любимыя мечты;
 Лишь годъ назадъ, два талисмана
 Свѣтились въ тѣни твоей,
 И лжи и замысла обмана,